

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-699-721

EDN: SABLGI

Научная статья / Research article

Сельские территории Краснодарского края в контексте политики пространственного развития: социально-демографический аспект

В.Н. Ракачев

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

✉ midav.sf@mail.ru

Аннотация. Вопросы развития сельских территорий Краснодарского края не могут рассматриваться вне рамок политики пространственного развития, реализуемой на федеральном и региональном уровне и анализа особенностей социальных и демографических процессов в сельском населении региона. Сделан вывод о существенных структурных изменениях в составе сельского населения Кубани, которые в силу инертности демографических процессов сегодня еще не столь заметны, но в перспективе могут приобрести необратимый характер. Отмечается, что развитие сельских территорий в крае при наличии ряда общих тенденций характеризуется неоднородностью, что требует разработки и реализации программ пространственного развития с учетом особенностей конкретных сельских территорий. Кроме того, необходимо учитывать, что модели, используемые при реализации политики сельского развития, должны принимать во внимание не столько экономическую составляющую села (отраслевая модель), сколько ориентироваться на развитие, прежде всего, человеческого капитала в уникальных условиях конкретной территории (неоэндогенная и территориальная модели).

Ключевые слова: сельское население, сельское развитие, социальный капитал, человеческий капитал, нематериальные ресурсы, демографические процессы

Для цитирования: Ракачев В.Н. Сельские территории Краснодарского края в контексте политики пространственного развития: социально-демографический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 3. С. 699–721. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-699-721>

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ и КНФ в рамках конкурса 2021 г. «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс), проект № 22-18-20059 «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов».

© Ракачев В.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Rural Areas of the Krasnodar Region in the Context of Spatial Development Policy: A Socio-Demographic Aspect

Vadim N. Rakachev

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

✉ midav.sf@mail.ru

Abstract. The development of rural areas of the Krasnodar region has to be studied within the framework of the spatial development policies implemented at the federal and regional levels and the features of social and demographic processes in the rural population of the region. The author concludes about significant structural changes in the composition of the rural population of the Kuban, which, due to the inertia of demographic processes, are not yet so noticeable today, but in the future may become irreversible. The author also notes that the development of rural areas in the region, in the presence of several general trends, is characterized by heterogeneity, which requires the development and implementation of spatial development programs considering the characteristics of specific rural areas. In addition, it should be considered that the models used in the implementation of rural development policies should consider not so much the economic component of the village (sectoral model), but focus on the development, first of all, of human capital in the unique conditions of a particular territory (neo-endogenous and territorial models).

Keywords: rural population, rural development, social capital, human capital, intangible resources, demographic processes

For citation: Rakachev, V.N. (2023). The rural areas of the Krasnodar Territory in the context of spatial development policy: A socio-demographic aspect. *RUDN Journal of Political Science*, 25(3), 699–721. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-699-721>

Acknowledgements: The article was supported by RSCF and KSCF within the framework of the 2021 contest “Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research by individual scientific groups” (regional contest), project No. 22-18-20059 “Development policy for rural areas of the Krasnodar Territory: the potential of intangible resources”.

Введение

Вопросы политики пространственного развития являются одними из наиболее актуальных в современном мире. В Российской Федерации, вынужденной сегодня реагировать на геополитические, экономические и социокультурные вызовы, они приобретают особую важность, поскольку проблемы территориального развития находятся в тесной связи с вопросами социально-экономической стабильности и безопасности государства. Они обостряются в связи с рядом неблагоприятных тенденций, в последние десятилетия отчетливо проявившихся в большинстве территорий РФ: массовый отток населения из северо-восточных регионов на юг и в центр страны, а также из сельской местности в города, обусловленный значительным разрывом в качестве жизни горожан и сельских жителей, процессы депопуляции и пр. Это выдвигает на первый план в политике пространственного развития проблему сохранения и развития тех территорий, которые оказались в этой ситуации наиболее уязвимыми.

К числу таких территорий относятся преимущественно регионы со значительной долей сельского населения. Одним из них является Краснодарский край — регион, за которым прочно закрепился статус основной житницы и здравницы страны. В последние годы край столкнулся с целым рядом вызовов: значительно выросли миграционные потоки в регион, резко выросли темпы урбанизации, в том числе за счет оттока сельского населения в города, при этом сохраняются низкие показатели рождаемости и высокие показатели смертности, как следствие обостряется проблема депопуляции.

Политика пространственного развития территорий является сегодня важным инструментом, обеспечивающим реализацию экономических, экологических и социальных задач, как на национальном, так и на мировом уровне. В Российской Федерации пространственное развитие определяется в качестве одного из центральных вопросов государственной политики, от успешности реализации которого напрямую зависит социально-экономическая стабильность и безопасность государства¹.

Пространственное развитие в широком смысле может пониматься как интегративное согласование запросов на использование пространства [Knieling 2018]. Более узкая трактовка пространственного развития определяет его как деятельность, направленную на решение государственных задач управления развитием территорий (оптимальным расселением, размещением производительных сил и т.д.) как целостным объектом регулирования и включающую инструменты такого управления². Эффективность этой деятельности во многом зависит от оптимального использования материальных и нематериальных ресурсов конкретной территории.

Отдельным направлением пространственного развития является решение комплекса задач преобразования сельских территорий. В Российской Федерации на сегодняшний день действует государственная программа комплексного развития сельских территорий, реализация которой обеспечивается нормативными документами федерального, регионального и местного уровня³.

Однако, как отмечает А.И. Костяев, действующие в России нормативно-правовые документы по развитию сельских территорий являются несовершенными [Костяев 2018]. Как показывает анализ этих документов, они преимущественно ориентированы на развитие материальных ресурсов села: создание условий для обеспечения доступным и комфортным жильем сельского населения, развитие рынка труда на сельских территориях, создание и развитие инфраструктуры

---

¹ Формирование стратегии пространственного развития Российской Федерации: проблемы и перспективы. URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/59975/> (дата обращения: 10.06.2023).

² Там же.

³ Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий». URL: <http://government.ru/docs/36905/> (дата обращения: 10.06.2023). Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г. Утв. распоряжением Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174933/ (дата обращения: 10.06.2023).

на сельских территориях и т.д. Тогда как главный и ключевой компонент развития — население, человеческий капитал, оказываются на периферии программ и стратегий. Кроме того, по-прежнему село рассматривается в качестве ресурсной базы, обеспечивающей город продовольствием и сырьем, тогда как сама сельская местность остается на периферии. Вместе с тем город и село являются частями единой системы, что необходимо учитывать при разработке и реализации программ пространственного развития.

Другим важным моментом, который слабо учитывают эти документы, является значительная дифференциация сельских территорий в хозяйственно-экономическом, природно-климатическом, социально-культурном плане, что требует создания региональных программ, учитывающих эти особенности.

В Краснодарском крае — регионе со значительной долей сельского населения — также принят ряд документов, определяющих сельское развитие. Это «Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 г.»; «Концепция развития сельского (аграрного) туризма в Краснодарском крае на 2017–2020 гг.»; Государственная программа Краснодарского края «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия»⁴ и др. Однако, например, из 13 подпрограмм в рамках госпрограммы только две ориентированы на сельское население: «Устойчивое развитие сельских территорий» и «Комплексное развитие сельских территорий»⁵.

Вместе с тем в «Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 г.» отмечено, что с точки зрения глобальной конкурентоспособности край имеет системные проблемы в развитии человеческого капитала, который в условиях современного общества выходит на первое место среди долгосрочных факторов развития будущей экономики⁶.

В этих условиях важной задачей является анализ социально-демографических характеристик сельского населения края как значимых составляющих человеческого капитала сельских территорий и роли политики пространственного развития как инструмента обеспечивающего развитие села.

Разработанность темы исследования

Все многообразие концепций и теорий, описывающих принципиальные схемы и модели развития сельских территорий, можно объединить в два концептуальных подхода. Первый исходит из представлений о том, в каком направлении предполагается развитие села, здесь отправной точкой является принцип

⁴ Последние изменения в программу были внесены 6 июня 2023 г.

⁵ Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» от 5 октября 2015 г. № 944. URL: <https://docs.cntd.ru/document/430643160>

⁶ Закон Краснодарского края «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 г.» от 21 декабря 2018 г. № 3930-КЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550301926> (дата обращения: 15.05.2023).

экзогенности-эндогенности. Соответственно, в рамках первого подхода исследователи выделяют эндогенную, экзогенную и неэндогенную модели развития сельских территорий N. Ward, J. Atterton, T.Y. Kim, P. Lowe, J. Phillipson, N. Thompson [Ward et al. 2005]. Экзогенная модель ориентирует сельские территории на обслуживание городских поселений и, соответственно, предполагает расширение их производительных площадей и производственных сил в целом. Эндогенная модель в центр устойчивого развития ставит собственно сельские территории, что требует учета их уникальных природно-климатических, социально-культурных, человеческих и прочих характеристик [Ploeg, Dijk 1995; Lowe, Murdoch, Ward 1995; Ward et al. 2005]. Неэндогенная модель основывается на экономике знаний, в основу развития села здесь положены человеческий и социальный капитал [Ploeg, Marsden 2008].

В рамках второго подхода в качестве классифицирующего признака используется оппозиция «отрасль — территория». Здесь также выделяются три модели сельского развития: отраслевая, перераспределительная и территориальная [Мантино 2010.; Петриков, Скрибунова 2003; Овчинцева 2011; Морозова, Иванова 2015].

Как полагает А.И. Костяев, развитие сельских территорий в РФ в настоящее время осуществляется на основе экзогенно-отраслевого подхода. Об этом свидетельствует ряд характеристик. Прежде всего, применительно к селу ключевым принципом является концентрация производства и эффект масштаба. Движущей силой развития сельских территорий преимущественно выступают города-центры, которые притягивают из села трудовые ресурсы, формируют стратегию сельского развития, осуществляют трансферт бюджетных средств местным органам и т.п. Институциональные нормы также закрепляют на среднесрочную перспективу экзогенный путь развития сельских территорий, усиливают роль городов и разрыв в развитии их с сельской местностью. Помимо этого, основной функцией сельских территорий остается производство продовольствия и сырьевых товаров для развития городской экономики, а главной проблемой развития большей части сельских территорий является периферийность, способствующая депопуляции и депрессивности. Наконец, развитие на сельских территориях в ближайшей перспективе ориентировано на модернизацию сельского хозяйства [Костяев 2018].

Это приводит к сильному оттоку сельского населения, причем эти тенденции характеризуются для всех регионов России [Авдеев, Сидоркина, Ушакова 2017; Горина 2014; Мотрич 2016; Гальянов, Резвяков, Студенникова 2017; Суховеева, Калинина 2018] и рассматриваются через призму социальной и экономической безопасности страны [Васильева, Васильева 2022; Жуков 2018].

В случае сохранения и закрепления на перспективу экзогенно-отраслевой модели сельского развития, ориентированной на управление и финансирование села извне (из федерального центра либо из субъектов), человеческие и иные местные ресурсы могут оказаться незадействованными в полной мере, социальный капитал, который признается основой современного сельского развития, не сможет быть полноценно сформирован.

Как отмечает Ф. Мантино, в настоящее время требуется активизация «человеческого и социального капитала, которые являются недостающими факторами во всех политиках развития, но которые в случае политики развития сельской местности играют более значимую роль» [Мантино 2010].

Решение этих задач ряд ученых видит в изучении социально-демографических процессов в контексте комплекса нематериальных ресурсов в развитии региона. Теоретические и практические аспекты этого направления рассмотрены в работах И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозовой, В.Н. Ракачева, И.В. Самаркиной, Е.В. Михалкиной, Н.А. Косолаповой, Л.С. Леонтьевой, В.В. Смирновой [Мирошниченко, Морозова, Ракачев, Самаркина 2022; Михалкина, Косолапова 2018; Леонтьева, Смирнова 2020].

Вместе с тем представляется, что развитие территорий не является самоцелью, но должно обеспечить достойный уровень и качество жизни населению этих территорий, дать возможность ему реализовать свой потенциал и, таким образом, способствовать развитию того пространства, в котором человек существует. Соответственно при разработке и реализации любых программ необходимо иметь представление о состоянии населения, его количественных и качественных характеристиках, тенденциях его развития.

Методология и задачи исследования

Теоретико-методологической базой исследования послужили концепции пространственного развития территорий, сельского развития, а также ключевые положения концепции демографического перехода.

В основе статьи лежат результаты статистико-демографического анализа материалов текущего учета и данные Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг. по Краснодарскому краю. В качестве индикаторов развития сельских территорий Краснодарского края нами взяты ряд социально-демографических показателей: численность сельского населения, темпы его прироста, доля во всем населении, общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста, сальдо миграции, а также уровень образования, уровень и характер занятости. Для наглядности данные по сельскому населению по некоторым признакам приводятся в сравнении с городским населением.

В данной статье мы ставили целью изучить социально-демографические характеристики сельского населения края как значимые составляющие человеческого капитала сельских территорий и роли политики пространственного развития в обеспечении сельского развития.

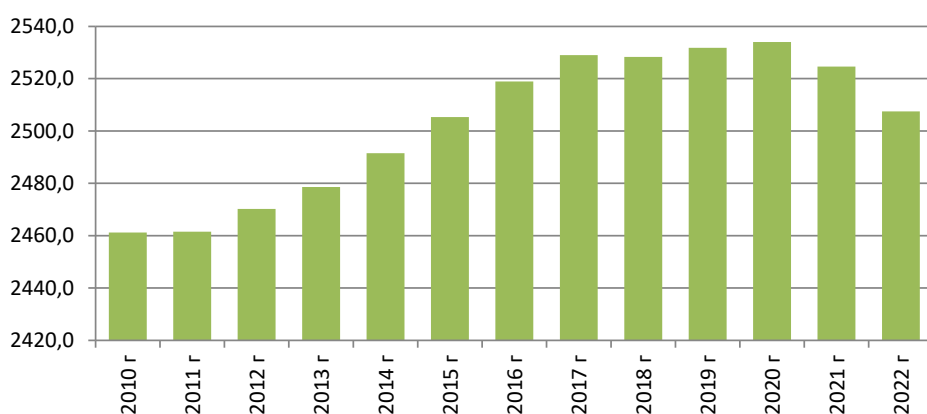
Результаты анализа и обсуждение

Краснодарский край исторически сложился и развивался как сельскохозяйственный регион. Это определило целый ряд пространственно-территориальных и социально-демографических особенностей: здесь традиционно преобладало, а после урбанизационного перехода значительную долю составляло

сельское население. Собственно, и сам переход на Кубани был поздним, совершился на несколько десятков лет позднее общероссийского и даже после перехода и до сих пор доля горожан незначительно превышает долю сельских жителей.

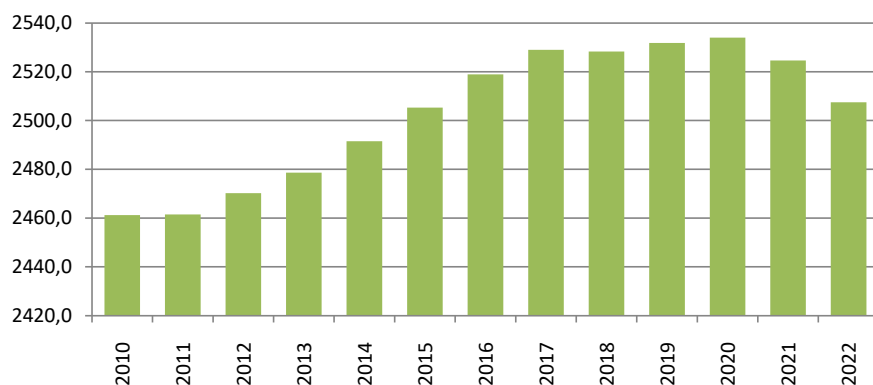
Другой особенностью сельскохозяйственной специфики региона является размер сельских поселений, многие из которых уже в XIX в. по числу жителей превосходили большинство городов Центральной России, насчитывая несколько десятков тысяч человек [Ракачев, Ракачева 2005].

Однако в последние десятилетия наметилась тенденция к увеличению темпов роста городского населения в крае и сокращению численности и доли сельских жителей. Если в городских населенных пунктах региона население за 2010–2022 г. выросло на 15 %, то в сельских на 1,9 %. Среднегодовой прирост за указанный период составил в городах 34,5 тыс. чел., в селах — 3,9 тыс. чел. С 2020 г. рост численности сельского населения края сменился его сокращением, что в итоге привело к снижению его доли во всем населении на 3 % (с 47,1 до 42,9 %) (рис. 1).

Рис. 1. Динамика численности сельского населения Краснодарского края в 2010–2022 гг., тыс. чел.

Источник: Краснодарский край в цифрах. 2015: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2016. С. 27–29; Краснодарский край в цифрах. 2018: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2019. С. 23–25; Краснодарскому краю — 85 лет: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2022. С. 21.

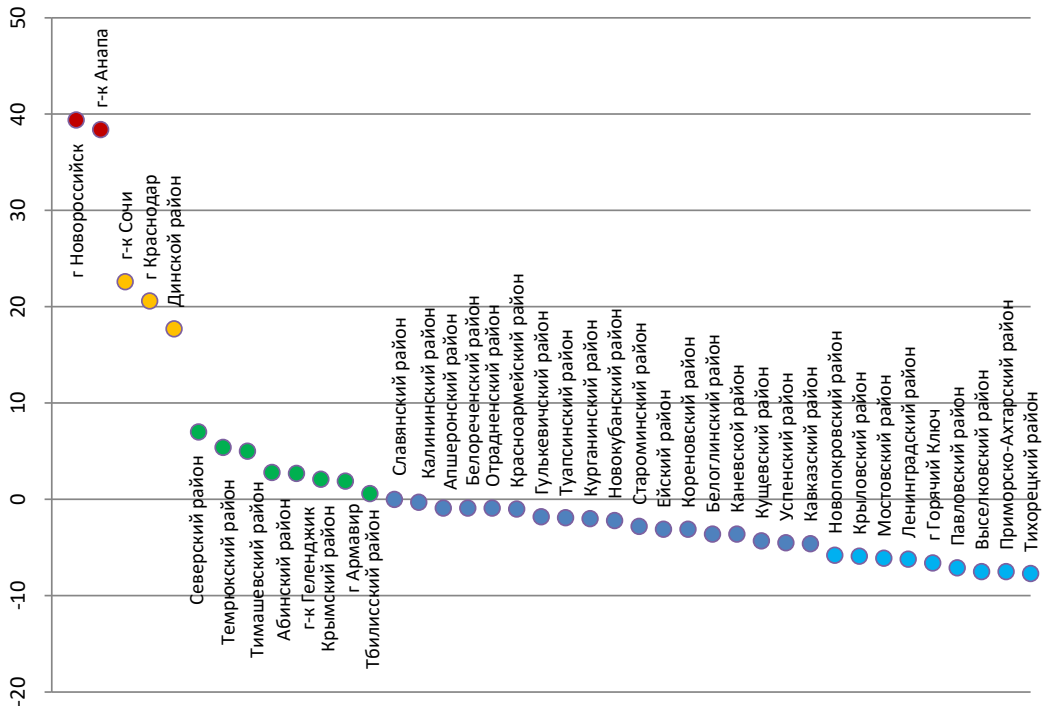

Figure 1. Dynamics of the rural population Krasnodar Territory 2010–2022, thousand people

Source: Krasnodar region in numbers. 2015: Statistical collection (pp. 27–29). (2016). Krasnodar: Krasnodarstat. (In Russian); Krasnodar region in numbers. 2018: Statistical collection (pp. 23–25). (2019). Krasnodar: Krasnodarstat. (In Russian); Krasnodar Territory — 85 years: Statistical collection (p. 21). (2022). Krasnodar: Krasnodarstat. (In Russian).

Эти изменения носят неравномерный характер и определяются целым комплексом факторов: в ряде районов и сельских территорий края население росло высокими темпами, в других при положительном приросте темпы его были невысоки, в третьих наблюдалась незначительная убыль и, наконец, четвертая группа — территории, значительно потерявшие население.

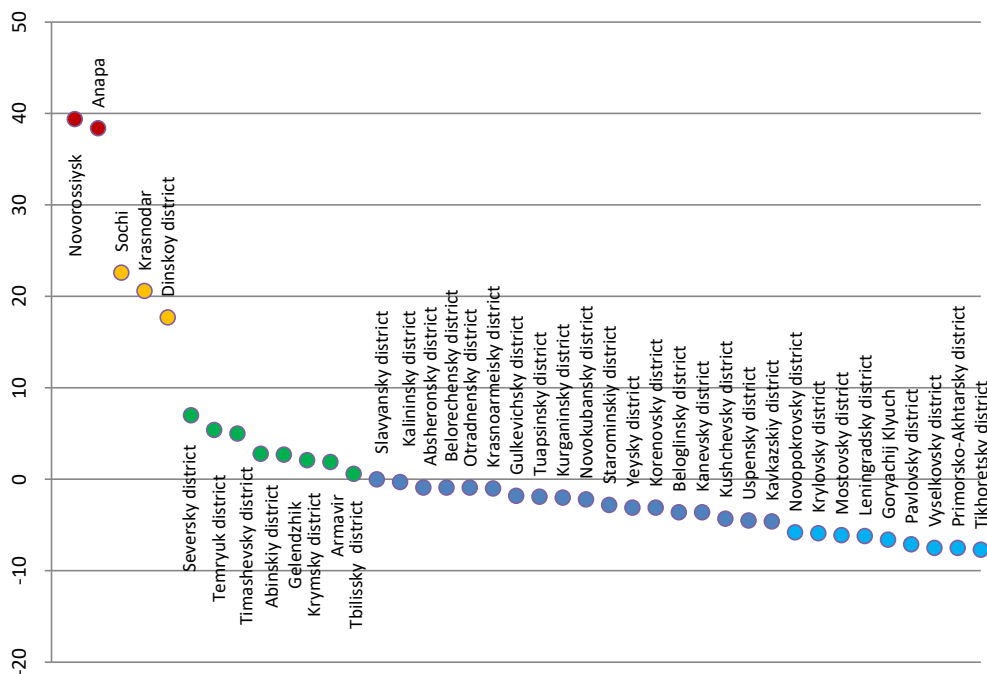
Проведя группировку сельских территорий по темпам роста, можно выделить: 1) группу значительно возросших территорий, к ним относятся приморские территории, и, в первую очередь, сельские пригороды Новороссийска, Анапы и Сочи; 2) группу с высоким ростом сельского населения в последнее десятилетие образуют пригороды краевого центра и граничащие с ним Динской и Северский районы; 3) группа сельских МО с невысоким положительным ростом — преимущественно сельские территории вокруг городов, как правило, транспортных и промышленных центров; 4) сельские территории с незначительной убылью — преимущественно районы, центрами которых являются сельские поселения; 5) группа сельских территорий с заметной убылью населения — это, как правило, предгорные, удаленные районы края, а также степных территорий на северо-востоке края. Соответственно абсолютное большинство сельских территорий Кубани на протяжении 2010–2022 гг. потеряли население (рис. 2).

Рис. 2. Группировка территорий Краснодарского края в зависимости от роста/убыли сельского населения за 2010–2022 гг., тыс. чел.

Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Краснодарский край. Том 1. Численность и размещение населения. URL: <https://23.rosstat.gov.ru/vpn2010> (дата обращения: 8.06.2023); Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Краснодарский край. Т. 1. Численность и размещение населения. URL: <https://23.rosstat.gov.ru/folder/179316> (дата обращения: 8.06.2023).

Figure 2. Grouping of the territories of the Krasnodar Territory depending on the growth/decline of the rural population for 2010–2022, thousand people

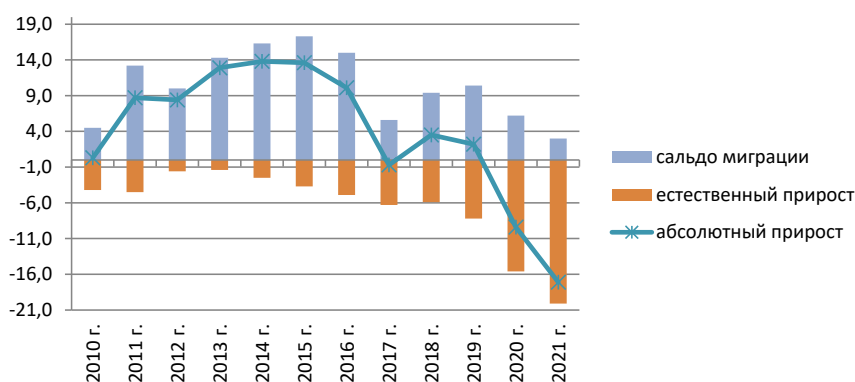
Source: Results of the 2010 All-Russian population census. Krasnodar region. Volume 1. Number and distribution of the population. Retrieved August 6, 2023, from <https://23.rosstat.gov.ru/vpn2010> Results of the All-Russian population census 2020. Krasnodar region. Vol. 1. Number and distribution of the population. URL: <https://23.rosstat.gov.ru/folder/179316> (In Russian).

Таким образом, ведущим фактором, определяющим динамику сельского населения края в последние годы, является его местоположение относительно морского побережья и краевого центра. Другим фактором выступает наличие в районе города (городов), выполняющих функции производственных и или транспортных центров. При этом 14 районов края являются полностью сельскими, в них нет ни одного города и прочих поселений городского типа. 20 районов имеют в своем составе города и поселки городского типа. Кроме того, часть сельского населения включено в 7 городских округов. Этот определенно является одним из факторов, который косвенным образом влияет на динамику численности конкретной территории. Наличие не только крупных, но даже средних и мелких городов в районе, как правило, позитивно влияет на численность и состав его населения. Важным условием, положительно влияющим на развитие населения сельских территорий, является наличие крупных транспортных магистралей. Вдоль крупных трасс, как правило, концентрируется больше населения, и, напротив, удаленные от ключевых транспортных артерий районы и населенные пункты постепенно пустеют.

Ситуация эта не уникальна. Как отмечают О.Б. Глейзер и Э.И. Вайнберг [Глейзер, Вайнберг 2013], «концентрация всего и городского населения регионов в их центрах (даже в случае сокращения их людности) и концентрация сельских жителей в крупных населенных пунктах и пригородах крупных городов

на фоне обезлюдения остальной территории сельской местности и депопуляции большинства городов» являются сегодня общероссийскими трендами, исключение составляют степные и приморские районы юга Европейской России и ряда других территорий.

Численность любого населения складывается из двух компонентов: естественного и механического. Определяя вклад в динамику сельского населения края каждого из них, можно отметить, что решающую роль здесь играет миграция. Причем если в период 2010–2016 гг. наблюдалась естественная убыль, которую компенсировала активная миграция в сельскую местность, то с 2017 г. на фоне роста естественной убыли сельского населения края наблюдалось значительное снижение миграционного сальдо. Для сельских поселений края с 2015 г. коэффициент миграционного прироста устойчиво снижался и стал отрицательным в 2022 г. (с 68,9 до –4,6 мигрантов на 10 тыс. жителей). Сегодня миграция уже не может компенсировать естественную убыль на селе (рис. 3).

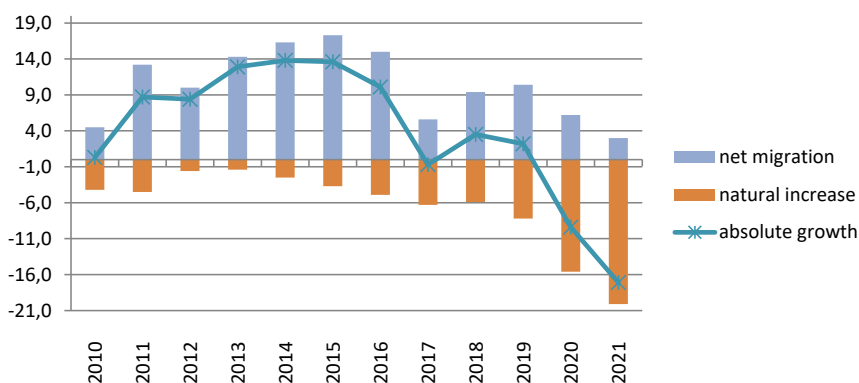

Рис. 3. Вклад естественного и механического компонентов в динамику численности населения сельских территорий Краснодарского края в 2010–2021 гг., тыс. чел.

Источник: Краснодарский край в цифрах. 2015: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2016.

С. 27–29; Краснодарский край в цифрах. 2018: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2019.

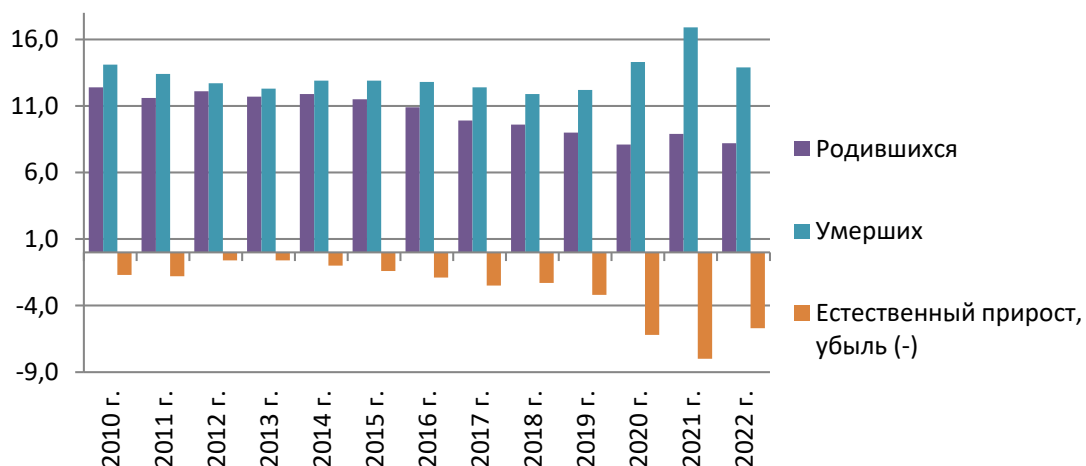
С. 23–25; Краснодарский край в цифрах. 2022: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2023. С. 24.

Figure 3. The contribution of the natural and mechanical components to the dynamics of the population of rural areas of the Krasnodar Territory, 2010–2021, thousand people

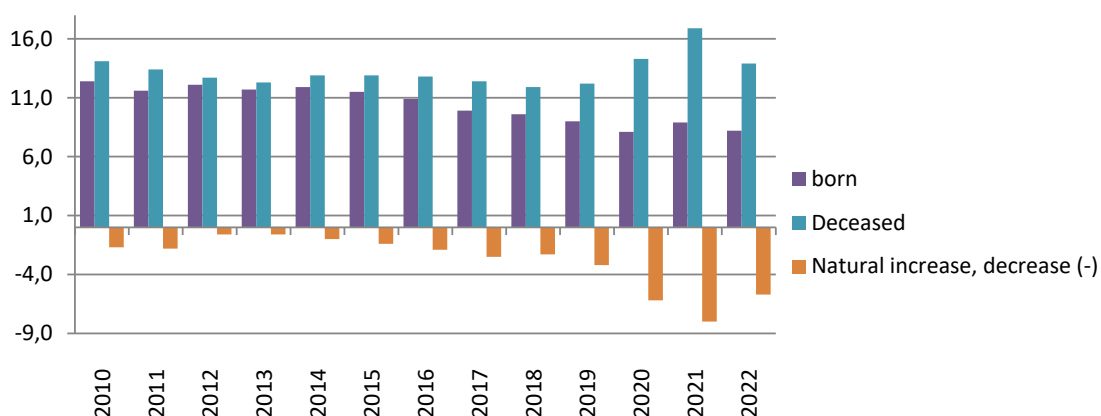
Source: Krasnodar region in numbers. 2015: Statistical collection, 2016, pp. 27–29. Krasnodar: Krasnodarstat; Krasnodar region in numbers. 2018: Statistical collection, 2019, pp. 23–25. Krasnodar: Krasnodarstat; Krasnodar region in numbers. 2022: Statistical compendium, 2023, p. 24. Krasnodar: Krasnodarstat (In Russian)

Естественная убыль сельского населения, в свою очередь, является результатом устойчивого снижения показателей рождаемости и роста показателей смертности. В последние годы в условиях пандемии КОВИД-19 в сельском населении края наблюдалось практически двукратное превышение показателями смертности показателей рождаемости (в 2020 г. — 14,3 и 8,1‰, в 2021 — 16,9 и 8,9‰, в 2022—13,9 и 8,2‰ соответственно) (рис. 4).

Рис. 4. Динамика показателей рождаемости, смертности и естественного прироста в сельском населении Краснодарского края в 2010–2022 гг., ‰

Источник: Краснодарский край в цифрах. 2015: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2016. С. 27–29; Краснодарский край в цифрах. 2018: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2019. С. 23–25; Краснодарский край в цифрах. 2022: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2023. С. 24–26.

Figure 4. Dynamics of birth rates, mortality and natural increase in the rural population of the Krasnodar Territory, 2010–2022, ‰

Source: Krasnodar region in numbers. 2015: Statistical collection, 2016, pp. 27–29. Krasnodar: Krasnodarstat; Krasnodar region in numbers. 2018: Statistical collection, 2019, pp. 23–25. Krasnodar: Krasnodarstat; Krasnodar region in numbers. 2022: Statistical compendium, 2023, p. 24–26. Krasnodar: Krasnodarstat(In Russian)

В сравнении с городами сельские территории края в последнее десятилетие имеют более низкие показатели смертности, однако уровень младенческой смертности в селе на порядок выше, чем в городе. При этом общей тенденцией в сфере младенческой смертности стало устойчивое снижение коэффициента. В сельском населении это снижение было более заметно, он сократился примерно на треть с 6,8‰ в 2012 г. до 4,2‰ в 2022 г. В сфере рождаемости сельское население края характеризуется низкими показателями, и с 2014 г. они устойчиво понижаются. За период с 2010 по 2022 г. рождаемость в селах Краснодарского края сократилась с 12,4 до 8,2‰ (табл. 1).

Таблица 1

**Показатели естественного движения населения
Краснодарского края в 2010–2022 гг., ‰**

Год	Общий коэффициент рождаемости		Общий коэффициент смертности		Коэффициент младенческой смертности	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
2010	12,0	12,4	13,0	14,1	4,4	6,2
2011	12,8	11,6	13,7	13,4	5,6	6,7
2012	13,9	12,1	13,5	12,7	6,4	6,8
2013	14,3	11,7	13,3	12,3	6,0	5,7
2014	14,9	11,9	12,9	12,9	5,3	5,9
2015	15,3	11,5	13,1	12,9	4,7	6,5
2016	15,1	10,9	13,0	12,8	4,5	5,8
2017	13,8	9,9	12,5	12,4	3,9	5,1
2018	13,0	9,6	12,0	11,9	3,4	5,1
2019	12,3	9,0	12,4	12,2	4,0	3,3
2020	12,4	8,1	14,6	14,3	3,6	4,4
2021	11,6	8,9	17,0	16,9	4,2	4,3
2022	10,6	8,2	13,9	13,9	3,6	4,2

Источник: Краснодарский край в цифрах. 2015: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2016. С. 27–29; Краснодарский край в цифрах. 2018: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2019. С. 23–25; Краснодарскому краю — 85 лет: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2022. С. 21; Краснодарский край в цифрах. 2022: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2023. С. 2.

**Indicators of the natural movement of the population
of the Krasnodar Territory, 2010–2022, ‰**

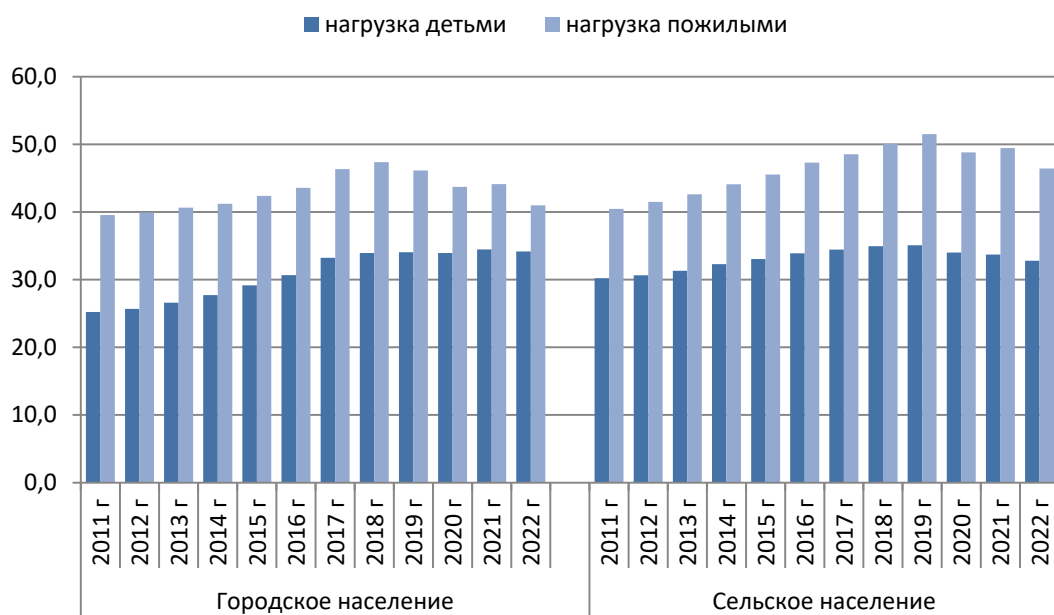
Year	Total fertility rate		Total mortality rate		Infant mortality rate	
	Urban	Rural	Urban	Rural	Urban	Rural
2010	12.0	12.4	13.0	14.1	4.4	6.2
2011	12.8	11.6	13.7	13.4	5.6	6.7
2012	13.9	12.1	13.5	12.7	6.4	6.8
2013	14.3	11.7	13.3	12.3	6.0	5.7
2014	14.9	11.9	12.9	12.9	5.3	5.9
2015	15.3	11.5	13.1	12.9	4.7	6.5
2016	15.1	10.9	13.0	12.8	4.5	5.8
2017	13.8	9.9	12.5	12.4	3.9	5.1
2018	13.0	9.6	12.0	11.9	3.4	5.1
2019	12.3	9.0	12.4	12.2	4.0	3.3
2020	12.4	8.1	14.6	14.3	3.6	4.4
2021	11.6	8.9	17.0	16.9	4.2	4.3
2022	10.6	8.2	13.9	13.9	3.6	4.2

Source: Krasnodar region in numbers. 2015: Statistical collection. Krasnodar: Krasnodarstat, 2016, pp. 27–29; Krasnodar region in numbers. 2018: Statistical collection. Krasnodar: Krasnodarstat, 2019, pp. 23–25; Krasnodar Territory — 85 years: Statistical collection. Krasnodar: Krasnodarstat, 2022, p. 21; Krasnodar region in numbers. 2022: Statistical compendium. Krasnodar: Krasnodarstat, 2023, p. 24. (In Russian)

Это чрезвычайно низкий уровень, который обусловлен преимущественно структурными факторами, решающим среди которых является половозрастная структура сельского населения, и прежде всего процесс старения населения. Старение населения — универсальная тенденция, характерная для большинства современных развитых стран. В Краснодарском крае, и преимущественно на его сельских территориях, эта тенденция усиливается благодаря активной миграции пожилого населения из других регионов страны. Край привлекает пенсионеров благоприятным климатом, хорошо развитой инфраструктурой, в том числе в сельской местности (объекты здравоохранения, доступность качественной медицины и социальных служб в ближайших городах и т. п.). Как следствие доля населения в возрасте 65+ лет в сельских поселениях здесь значительно превышает среднероссийский показатель и устойчиво растет: с 23,7 % в 2011 г. до 27 %

в 2021 г. С увеличением доли пожилых снижается доля трудоспособного населения, которая за тот же период сократилась на 2,8 % (с 58,6 в 2011 г. до 55,8 % в 2022 г.). При этом доля детей в селах края остается относительно стабильной: 17,7 % в 2011 г и 18,8 % в 2022 г.⁷

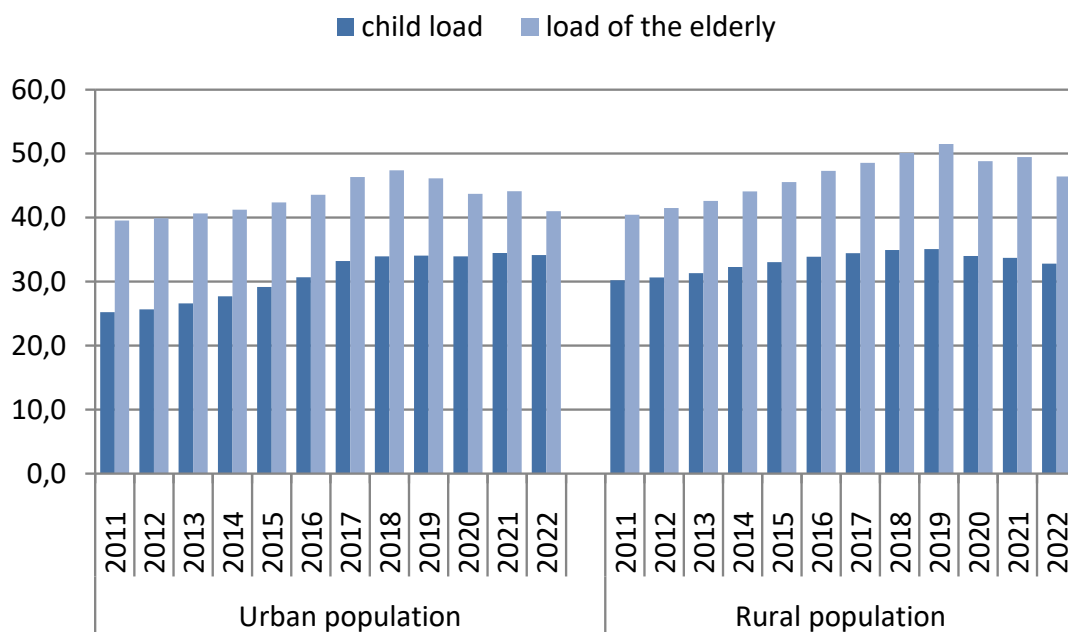
Значительная доля пожилых в сельском населении края усиливает демографическую нагрузку. Так, если в 2011 г. на 100 трудоспособных сельских жителей приходилось 40 чел. в возрасте 65+, то в 2019 г. этот показатель составил 51 чел. (max), в 2022 г. — 46 чел. (рис. 5). Общая демографическая нагрузка в сельском населении в 2011 г. составляла 71 чел. нетрудоспособных на 100 трудоспособных. Максимальных значений этот показатель достиг в 2019 г. и составил 87 чел. На 2022 г. показатель несколько снизился — до 79 чел. В целом за последнее десятилетие коэффициент демографической нагрузки в селах края вырос почти на 13 пунктов (с 0,70 до 0,83). При этом для городских и сельских территорий при некотором различии в темпах прироста населения и прироста населения трудоспособного возраста перспективы демографической нагрузки весьма схожи.

Рис. 5. Демографическая нагрузка в Краснодарском крае, 2011–2022 гг., на 100 чел. трудоспособного населения

Источник: Краснодарский край в цифрах. 2015: статистический сборник, Краснодар: Краснодарстат, 2016. С. 27–29; Краснодарский край в цифрах. 2018: статистический сборник, Краснодар: Краснодарстат, 2019. С. 23–25; Краснодарский край в цифрах. 2022: статистический сборник, Краснодар: Краснодарстат, 2023. С. 24–25.

⁷ Рассчитано по: Краснодарский край в цифрах. 2015: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2016. С. 27–29; Краснодарскому краю — 85 лет: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2022. С. 21.

Figure 5. Demographic load in the Krasnodar Territory, 2011–2022, per 100 people of the able-bodied population

Source: Krasnodar region in numbers. 2015: Statistical collection Krasnodar: Krasnodarstat, 2016, pp. 27–29; Krasnodar region in numbers. 2018: Statistical collection Krasnodar: Krasnodarstat, 2019, pp. 23–25; Krasnodar region in numbers. 2022: Statistical compendium. Krasnodar: Krasnodarstat, 2023, pp. 24–25. (In Russian)

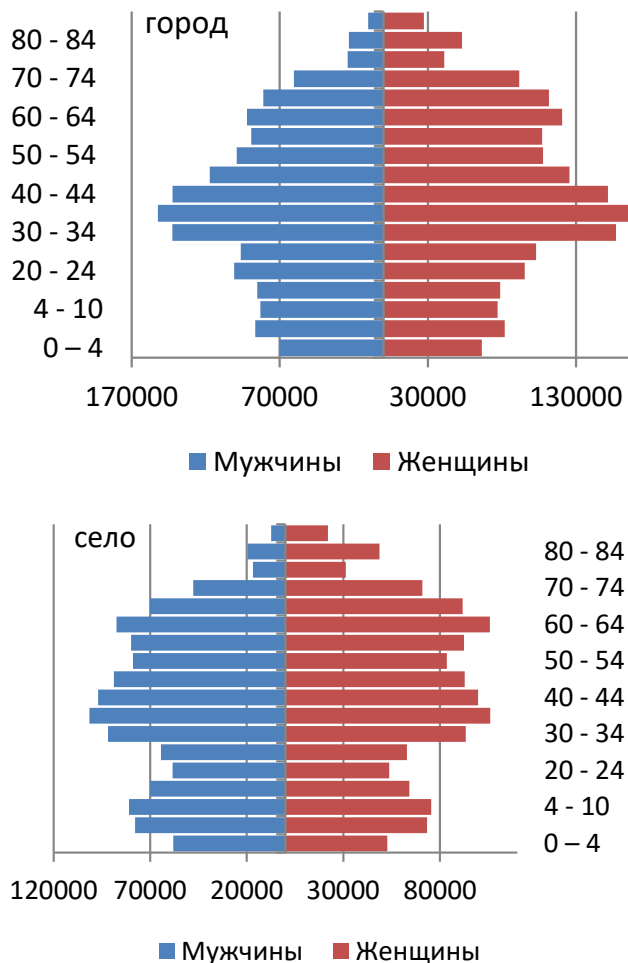
Низкая доля детей в перспективе снижает для сельского населения вероятность демографического дивиденда, который представляет собой «потенциал экономического роста, который может возникнуть в результате сдвигов в возрастной структуре населения, главным образом когда доля населения трудоспособного возраста превышает долю нетрудоспособного населения»⁸. Другими словами, это повышение экономической производительности, которое происходит, когда число работающих увеличивается по сравнению с числом иждивенцев. Демографический дивиденд может получить население с растущим числом трудоспособных и снижающейся рождаемостью, когда большее количество людей имеет потенциал для продуктивной работы и способствует росту экономики. При этом для обеспечения экономического роста молодежь должна иметь доступ к качественному образованию, здравоохранению, социальным гарантиям и проч. Однако, согласно прогнозам Росстата, в ближайшие годы доля трудоспособного населения края будет снижаться⁹, что, в свою очередь, приведет к усилению демографического бремени и скажется на показателях экономического роста.

⁸ Demographic dividend. UNFPA. URL: <https://www.unfpa.org/demographic-dividend#readmore-expand> (accessed: обращения 8.06.2023).

⁹ Коэффициент демографической нагрузки. URL: <https://www.gks.ru/freedoc/newsite/population/demo/progn4.htm> (дата обращения: 8.06.2023).

В сельском населении края наблюдается резкое сокращение численности лиц в возрастных группах 20–24 и 25–29 лет, и, напротив, в городском населении численность этих возрастных групп заметно выше, что является следствием оттока молодежи на учебу и работу в город. Эта особенность также видна на половозрастных пирамидах: в городе возрастные группы 30–44-летних являются более многочисленными, чем в селе. Как результат, село теряет значительную часть наиболее активного в экономическом и демографическом плане населения (рис. 6).

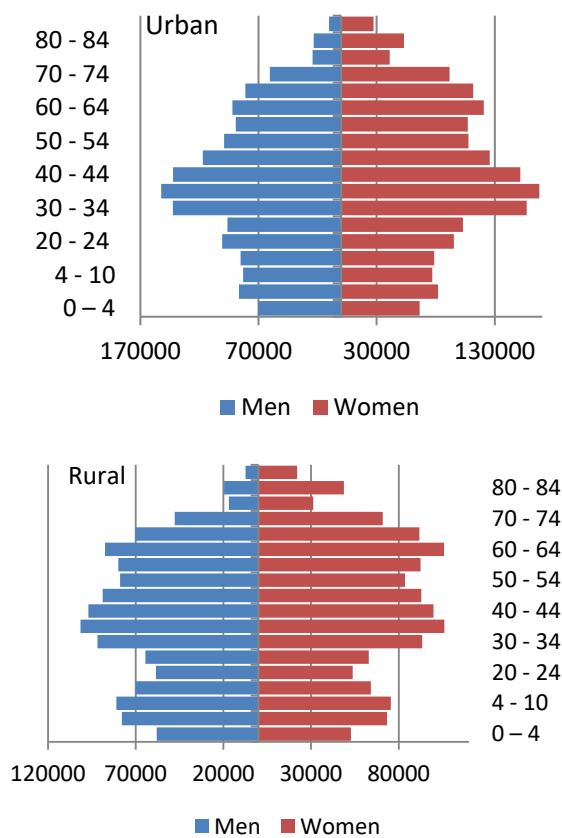
Значительные возможности для самореализации населения в городской среде меняют установки горожан, что в последующем оказывает существенное влияние на демографическое поведение и в целом на демографическую структуру городского населения. В частности, город оказывает влияние на систему семьи и брака, которые вступают в конкуренцию с карьерой и саморазвитием.

Рис. 6. Возрастная структура населения Краснодарского края, на 2020 г., чел.

Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Краснодарский край. Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. URL: <https://23.rosstat.gov.ru/folder/179316> (дата обращения: 08.06.2023).

Figure 6. Age structure of the population of the Krasnodar Territory, for 2020, people

Source: Results of the All-Russian population census 2020. Krasnodar region. Volume 2. Age-sex composition and marital status. Retrieved August 6, 2023, from <https://23.rosstat.gov.ru/folder/179316> (In Russian)

Темпы роста среднего возраста в селах края почти в 2 раза выше, чем в городах. С 2010 по 2020 г. средний возраст горожан вырос на 1,3 года (с 39,7 до 41 года), а сельских жителей на 2,1 года (с 39,4 до 41,5 года).

Специфика возрастной структуры сельского населения предопределяет состояние таких социально-экономических показателей, как уровень и структура занятости, доля экономически активного населения.

При большей доле пожилых в сельском населении края в экономике они заняты меньше, чем пожилые в городах. Так, среди всех занятых в селе 92 % приходится на трудоспособное население и 8 % на лиц пенсионного возраста, в городе доля пенсионеров, продолжающих трудиться, на 1,5 % выше — 9,5 и 90,5 % занятых приходится на лиц трудоспособного возраста. Кроме того, среди всего трудоспособного населения в городах края доля занятых составляет 73 %, среди трудоспособных в селах занятыми являются 71,8 %. Соответственно в группе лиц старше трудоспособного возраста в городском населении продолжают трудиться 20,2 %, в селе — 13,6 %.

При этом работают по найму 85,1 % сельских и 88,1 % городских жителей края. Соответственно работающих не по найму в селах 14,9 %, в городах 11,9 %. В том

числе в сельской местности 6,4 %: занятых являются владельцами собственного предприятия, 21 % — ИП, 39,7 % — самозанятые, 1,9 — помогают на семейных предприятиях и 31,1 % заняты иной деятельностью. В городах соответственно 9,4 имеют свое дело, 27,8 % ИП, 34,4 % — самозанятые, 2,1 — помогают в семейном деле и 26,2 % — иное. Кроме того, лишь 70,9 % занятых сельских жителей, работающих по найму, трудоустроены на территории своего населенного пункта, среди работающих не по найму, таковых 13,1 %. При этом 1,5 % жителей села работают по найму на территории другого субъекта РФ. Среди городских жителей края 95,2 % занятых по найму работают в своем населенном пункте, за пределами своего населенного пункта трудятся 4,8 %, в том числе за пределами края 0,1 %¹⁰. Показательно также, что «международных» трудовых мигрантов из села значительно меньше. Возможно, в своих миграционных стратегиях они первоначально ориентированы на город как первую ступень восходящей миграции.

Вероятно, эти особенности связаны, с одной стороны, со спецификой сельского рынка труда, и в частности с изменением структуры сельского хозяйства, когда с появлением современных агрохолдингов заметно сокращается потребность хозяйства в рабочей силе [Костяев, Кузнецова, Никонов 2020]. С другой — со структурой рабочей силы, ее возрастного и профессионального состава. Кроме того, уровень образования работников, и прежде всего наличие профессиональной подготовки, является важным показателем, характеризующим качественное состояние населения сельских территорий, и одновременно выступает важным капиталом, позволяющим этому населению самореализоваться в экономическом плане.

По этому показателю сельское население края заметно уступает городскому. Согласно данным Всероссийской переписи 2020 г., доля специалистов высшей квалификации и лиц, имеющих высшее образование среди занятых, в селах края в два раза меньше, чем в городах: 1 против 1,9 % и 19,6 против 34,5 % соответственно. При этом доля специалистов со средним профессиональным образованием в городе и селе примерно одинакова: 40,6 и 44,8 % (табл. 2).

Таблица 2

Занятое население Краснодарского края в возрасте 15+ по уровню образования на 2020 г.¹¹, %

Территория	Имеющие профессиональное образование				Имеющие общее среднее образование
	Кадры высшей квалификации	Высшее	Неполное высшее	Среднее профессиональное	
Город	1,9	34,5	3,8	40,6	12,3
Село	1,0	19,6	2,1	44,8	22,6

Рассчитано по источнику: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Краснодарский край. Т. 3. Образование. URL: <https://23.rosstat.gov.ru/folder/179316> (дата обращения: 08.06.2023).

¹⁰ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Краснодарский край. Том 7. Экономически активное и экономически неактивное население. URL: <https://23.rosstat.gov.ru/folder/179316> (дата обращения: 08.06.2023).

¹¹ % от всех указавших уровень образования.

**Employed population of the Krasnodar Territory aged 15+
by level of education for 2020, %**

Territory	Those with professional education				Having a general secondary education
	Personnel of the highest qualification	Higher education	Incomplete higher education	Secondary vocational education	
Urban	1.9	34.5	3.8	40.6	12.3
Rural	1.0	19.6	2.1	44.8	22.6

Calculated from the source: Results of the All-Russian population census 2020. Krasnodar region. Vol. 3. Education. URL: <https://23.rosstat.gov.ru/folder/179316> (accessed: 06.08.2023).

В целом доля лиц, имеющих профессиональное образование среди всего занятого населения, в городах края на 13,2 % превышает аналогичный показатель в сельской местности: 80,7 против 67,5 %.

Таким образом, на фоне общего сокращения занятости в сельской местности выявляется дефицит квалифицированных кадров. Отчасти это связано с тем, что сельская молодежь, отправляясь за образованием в город, в большинстве своем по окончании вузов и средних специальных учебных заведений не возвращается в село.

Эти и другие показатели являются важными для реализации политики развития региона, но, несмотря на это, в большей части государственных программ — документов по устойчивому развитию территорий отсутствуют отдельные программы для развития сельских территорий. В современных условиях село проигрывает в явной конкуренции с городом, как в экономическом, так и в социальном плане, что, в свою очередь, приводит к потере населения как в количественном, так и в качественном компонентах.

Выявленные особенности имеют важное значение для оценки и прогнозирования социально-экономической ситуации в сельских территориях края и должны учитываться при разработке программ пространственного развития с учетом их неоднородности.

Заключение

Развитие сельского населения Краснодарского края, состояние его ключевых социально-демографических характеристик заметно отстает от аналогичных показателей в городе. Кроме того, в развитии собственно сельских территорий наблюдаются значительные диспропорции, которые проявляются в высоких темпах роста населения приморских территорий и пространств, включенных в агломерации, тогда как население большинства сельских районов северо-восточной зоны края значительно уступает им в своем развитии (количественном и качественном). Следует предположить, что существующая дифференциация сельских территорий и процессы депопуляции в большинстве из них в перспективе сохранятся.

Существование различных по своим типам сельских территорий в крае, их неоднородность требуют разработки и реализации программ пространственного развития с учетом конкретных условий. Кроме того, необходимо учитывать, что модели, используемые при реализации политики сельского развития в условиях современного общества, должны принимать во внимание не столько экономическую составляющую села, рассматривать его как ресурсную базу для города (экзогенно-отраслевая модель), но ориентироваться, прежде всего, на развитие человеческого капитала в уникальных условиях конкретной сельской территории (неоэндогенная и территориальная модели).

Также возможным решением может стать комбинированный подход в политике развития сельских территорий, сочетающий в себе как экзогенную, так и эндогенную модели. Это позволит учитывать интересы различных политических, социальных, институциональных сил участвующих в реализации политики пространственного развития.

Поступила в редакцию / Received: 10.04.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 22.05.2023

Принята к публикации / Accepted: 31.05.2023

Библиографический список

- Авдеев Ю.А., Сидоркина З.И., Ушакова В.Л.* Территориальная структура демографического потенциала российского Дальнего Востока // *Уровень жизни населения регионов России*. 2017. № 2. С. 16–22.
- Васильева Е.В., Васильева А.В.* Демографические исследования в контексте потенциала развития и экономической безопасности территории // *Экономика региона*. 2022. Т. 18, № 1. С. 1–20. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-1>
- Гальянов И.В., Резвяков А.В., Студенникова Н.С.* Демографические изменения на сельских территориях Центральной России в контексте государственной социальной политики // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2017. Т. 13. Вып. 2. С. 270–284.
- Глейзер О.Б., Вайнберг Э.И.* Пространство жизнедеятельности населения и расселение как факторы и условия модернизации России // *Регион: Экономика и социология*. 2013. № 3 (79). С. 21–38.
- Горина К.В.* Демографическая характеристика структур городской и сельской местности Забайкальского края // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Естественные науки*. 2014. № 3 (174). Вып. 26. С. 166–174.
- Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001.
- Жуков В.И.* Суверенитет России: национальные интересы, демографические угрозы и вызовы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2018. Т. 26. № 3. С. 335–346. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-3-335-346>
- Костяев А.И.* Концептуальные подходы к развитию сельских территорий с учётом европейского опыта // *Аграрная наука Евро-Северо-Востока*. 2018. № 6 (67). С. 141–148. <https://doi.org/10.30766/2072-9081.2018.67.6.141-148>
- Костяев А.И., Кузнецова А.Р., Никонов А.Г.* Сельские территории в системе расселения «город-село»: в контексте стратегии пространственного развития // *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2020. № 4 (376). С. 19–23. <https://doi.org/10.24411/2587-6740-2020-14064>

- Леонтьева Л.С., Смирнова В.В. Количественная оценка потенциала нематериальных ресурсов регионов (на примере Южного федерального округа) // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. Вып. 79. С. 229–245. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10057>
- Мантино Ф. Сельское развитие в Европе: Политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней: пер. с итал. ФАО / Business Media of the Sole 24 Ore, 2010.
- Мирошниченко И.В., Морозова Е.В., Ракачев В.Н., Самаркина И.В. Нематериальные ресурсы в политике развития сельских территорий: опыт концептуализации // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы VIII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Краснодар, 2022. С. 152–158.
- Михалкина Е.В., Косолапова Н.А. Оценка использования потенциала нематериальных ресурсов региона // Пространство экономики. 2018. № 1. С. 118–133. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-1-118-133>
- Морозова Н.С., Иванова Е.В. Развитие сельских территорий: зарубежный опыт // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 6. С. 63–69.
- Мотрич Е. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России: основные тренды и вызовы // Народонаселение. 2016. № 1. С. 25–33.
- Овчинцева Л.А. Российская политика сельского развития в контексте европейских тенденций развития сельских территорий // Никоновские чтения. 2011. № 16. С. 200–202.
- Петриков А., Скрибунова Н. Стратегия устойчивого развития в зарубежных странах // Аграрная реформа. Экономика и право. 2003. № 3. С. 20–24.
- Ракачев В.Н., Морозова Е.В. Высшее образование как ресурс политики развития региона: пример Краснодарского края // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 827–855. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-556-584>
- Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование: в 4 т. Т. 1. 1900–1920-е гг. Краснодар, 2005.
- Суховеева А.Б., Калинина И.В. Демографическая ситуация в сельской местности Еврейской автономной области и меры по ее улучшению // Региональные проблемы. 2018. Т. 21. № 4. С. 85–92. <https://doi.org/10.31433/1605-220X-2018-21-4-85-92>
- Knieling J. Spatial development. 2018. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0156-559917416>
- Lowe P., Murdoch J., Ward N. Beyond endogenous and exogenous models: Networks in rural development // Beyond Modernisation: The Impact of Endogenous Rural Development / J.D. van der Ploeg and G. van Dijk (eds.). Van Gorcum: Assen, 1995.
- Ploeg J.D., Dijk G. Beyond modernization. The impact of endogenous rural development. Assen: Van Gorcum, 1995.
- Ploeg J.D., Marsden T. et al. Unfolding Webs: The Dynamics of Regional Rural Development. Assen, the Netherlands: Van Gorcum, 2008.
- Ward N., Atterton J., Kim T.Y., Lowe P., Phillipson J., Thompson N. Universities, the Knowledge Economy and Neo-Endogenous Rural Development. Centre for Rural Economy Discussion Paper Series. 2005. No. 1. P. 1–15.

References

- Avdeev, Yu.A., Sidorkina, Z.I., & Ushakova, V.L. (2017). Territorial structure of the demographic potential of the Russian Far East. *Living standards of the population of regions of Russia*, (2), 16–22. https://doi.org/10.12737/article_590079df73e104.37232532 (In Russian).

- City and village in European Russia: One hundred years of changes* (2001). Moscow: OGI (In Russian).
- Galyanov, I.V., Rezvyakov, A.V., & Studennikova, N.S. (2017). Demographic changes in rural territories of central Russia in the context of state social policy. *National Interests: Priorities and Security*, 13(2), 270–284. (In Russian).
- Glazer, O.B., & Weinberg, E.I. (2013). The space of life activity of the population and resettlement as factors and conditions for the modernization of Russia. *Region: Economics and Sociology*, 3(79), 21–38. (In Russian).
- Gorina, K.V. (2014). Demographic characteristics of the structures of urban and rural areas of the Trans-Baikal Territory. *Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Natural Sciences*, 26(3), 166–174. (In Russian).
- Knieling, J. (2018). *Spatial development*. Retrieved from <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0156-559917416>
- Kostyaev, A.I. (2018). Conceptual approaches to the development of rural areas, taking into account the European experience. *Agrarian science of the Euro-North-East*, 6, 141–148. <https://doi.org/10.30766/2072-9081.2018.67.6.141-148> (In Russian)
- Kostyaev, A.I., Kuznetsova, A.R., & Nikonov, A.G. (2020). Rural territories in the urban-rural settlement system: In the context of a spatial development strategy. *International Agricultural Journal*, 4(376), 19–23. <https://doi.org/10.24411/2587-6740-2020-14064> (In Russian).
- Leontieva, L.S., & Smirnova, V.V. (2020). Quantitative evaluation of regional intangible resources potential (example of the Southern Federal District). *Public Administration. Electronic Bulletin*. 79, 229–245. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10057> (In Russian).
- Lowe, P., Murdoch, J., & Ward, N. (1995). Beyond endogenous and exogenous models: Networks in rural development. In Van der Ploeg J.D. & G. van Dijk (Eds.), *Beyond modernization: The impact of endogenous rural development* (pp.87–105). Van Gorcum: Assen.
- Mantino, F. (2010). *Rural development in Europe: Politics, institutions and actors on the ground from the 1970s to the present day*. Moscow: Business Media of the Sole 24 Ore (In Russian).
- Mikhalkina, E.V., & Kosolapova, N.A. (2018). Evaluation of the use of the potential of intangible resources of the region. *Space of Economics*. (1), 118–133. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-1-118-133> (In Russian).
- Miroshnichenko, I.V., Morozova, E.V., Rakachev, V.N., & Samarkina, I.V. (2022). Non-material resources in the policy of development of rural territories: experience of conceptualization. *Ethnos and society in the context of interethnic relations. Materials of the VIII All-Russian scientific-practical conference with international participation* (pp.152–158). Krasnodar. (In Russian).
- Morozova, N.S., & Ivanova, E.V. (2015). Development of rural territories: Foreign experience. *Socio-economic phenomena and processes*, 10(6), 63–69. (In Russian).
- Motrich, E. (2016). Demographic situation in the Russian Far East: Main trends and challenges. *Population*, (1), 25–33. (In Russian).
- Ovchintseva, L.A. (2011). Russian policy of rural development in the context of European trends in the development of rural areas. *Nikon readings*, (16), 200–202. (In Russian).
- Petrikov, A., & Scribunova, N. (2003). Strategy for sustainable development in foreign countries. *Agrarian reform. Economy and law*. 3, 20–24. (In Russian).
- Ploeg, J.D., & Dijk, G. (eds.). (1995). *Beyond modernization. The impact of endogenous rural development*. Assen: Van Gorcum.
- Ploeg, J.D., Marsden, T., et al. (2008). *Unfolding Webs: The Dynamics of Regional Rural Development*. Assen, the Netherlands: Van Gorcum.
- Rakachev, V.N., & Morozova, E.V. (2022). Higher education as a resource for regional development policy: An example of the Krasnodar Territory. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 827–855. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-556-584> (In Russian).

- Rakachev, V.N., & Rakacheva, Ya.V. (2005). *The population of the Kuban in the Twentieth century: A historical and demographic study*. Vol. 1. Krasnodar (In Russian).
- Sukhoveeva, A.B., & Kalinina, I.V. (2018). Demographic situation in rural areas of the Jewish Autonomous Region and measures to improve it. *Regional problems*, 21(4), 85–92. <https://doi.org/10.31433/1605-220X-2018-21-4-85-92> (In Russian).
- Vasilyeva, E.V., & Vasileva, A.V. (2022). Demographic research in the context of economic development and security of regions. *Ekonomika regiona [Economy of regions]*, 18(1), 1–20. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-1> (In Russian).
- Ward, N., Atterton, J., Kim, T.Y., Lowe, P., Phillipson, J., & Thompson, N. (2005). *Universities, the Knowledge Economy and Neo-Endogenous Rural Development*. Centre for Rural Economy Discussion Paper Series.
- Zhukov, V.I. (2018). Sovereignty of Russia: National Interests, Demographic Threats and Challenges. *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 335–346. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-3-335-346> (In Russian).

Сведения об авторе:

Ракачев Вадим Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры социологии, Кубанский государственный университет (midav.sf@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6505-4208)

About the author:

Vadim N. Rakachev — Doctor of Science in History, Professor of the Department of Sociology, Kuban State University (midav.sf@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6505-4208)